

Я страшный консерватор, особенно когда речь заходит о детективе.

Я всегда выбираю книги со всей серьезностью: долго хожу туда-сюда вдоль заставленных полок магазина, придирчиво читаю аннотацию, пролистываю несколько страниц из середины, внимательно разглядываю обложку, нюхаю свежотпечатанные страницы, иногда пробую корешок на зуб. Просто я должна быть заранее уверена, понимаете?.. Чтобы не было никаких неприятных неожиданностей, а, напротив, одни приятные: тайны, загадки, погоны, перестрелки, любовь опять же. И — главное! — чтобы в финале зло оказалось наказано, а добро восторжествовало! А чего ради еще читать?..

Особенно бывает обидно, когда знакомые авторы вдруг «берутся за ум»: писал-писал, хорошо писал, отлично даже, всем нравилось, а потом какая-то высокоумная «достоевщина» начинается. Зачем?..

А вот моя любимая Евгения Горская из тех авторов, в которых можно не сомневаться. Принимаясь за ее новый детектив, можно быть твердо уверенным: вечер удастся на славу!

Горская — непревзойденный мастер интриги. Ей удастся придумывать нетривиальные, захватывающие, многоходовые сюжеты. Я прекрасно знаю, как

сложно придумать историю со множеством взаимосвязанных детективных линий. Они то расползаются в разные стороны, то норовят намертво спутаться, и выстроить их в стройную логическую цепочку порой просто невозможно. Но Евгения Горская без труда управляется с несколькими детективными нитями одновременно, превращая их в единый, стройный, до мельчайших деталей выверенный рисунок сюжета. В своих романах она водит за нос, отвлекает, пускает нас, читателей, по ложному следу. И никак не разобраться в сюжетных перипетиях, пока сама Евгения все нам не объяснит. Читаешь — и дух захватывает!

Но что еще важнее, Евгения Горская сумела вычислить «золотое сечение» детектива — здесь в самый раз... всего: и страхов, и предательств, и приключений, и тайн, и любви, а это верный признак мастерства и опытности автора.

Татьяна Устинова

29 июня, четверг

Лето наступать не хотело, но Настя терпеливо его ждала. Смотрела из окна на гнущиеся под ветром мокрые деревья и успокаивала себя тем, что может себе позволить не выходить из дома в плохую погоду. В отличие от миллионов сограждан и в отличие от собственного мужа.

Правда, Сережа на погоду внимание обращал мало. «Потерпи, — утешал он Настю. — Сдадим объект и поедем на юг». Объект, на котором Сережа ставил какое-то сложнейшее оборудование, должны были сдать в июне, неделю назад Настя проводила мужа в командировку и ждала его возвращения со дня на день.

Тетя Ира, узнав, что Сережа уехал, звала ее на дачу, уговаривала и даже, кажется, обиделась из-за отказа. «Ну что тебе делать одной в городе? — не понимала Ира. — Интернет здесь есть, сиди и работай на свежем воздухе».

Интернета Насте для работы было мало, ей был необходим принтер и компьютер с большим экраном, но не ехала она не поэтому. В дождь в собственной квартире тошно, а на даче, где участок наверняка уже успел превратиться в настоящее болото, совсем тоскливо.

Сегодня ее разбудило солнце. Пробивалось сквозь неплотно задернутые занавески. Настя полежала, жмурясь, и решила — поедет на дачу. Без Сережи было грустно, несмотря на солнце, а с Ирой время пройдет и быстрее, и приятнее.

До старого дачного поселка она доехала быстро, постояла, вдыхая чистый пряный воздух. Тетя была права, надо вырываться из города при любой возможности.

Настя открыла ворота, въехала на участок, прошла по узкой, вымощенной плиткой дорожке к дому. Дом лет десять назад построили Настины родители вместе с Ирой и ее мужем Иваном Николаевичем, но родители бывали здесь редко, Настя еще реже, а Ира жила почти постоянно, даже зимой. Дом уже не был новым, но все упорно продолжали называть его только так.

Раньше на месте нового дома была старенькая бабушкина дача, семья собиралась здесь по выходным, и Настя считала дачу вторым домом.

Настя поднялась на крыльцо, крикнула:

— Ирочка! Я приехала! — и обняла вышедшую к ней тетку.

Потом Настя мучительно пыталась вспомнить, заметила ли в тете что-то необычное, и вспомнить не могла. Ничего она не заметила.

Ира накормила ее завтраком, потом они вместе принялись готовить обед. Настя, когда, надев резиновые сапоги, рвала с грядок зелень к супу, отметила, что ягоды на кустах совсем зеленые, странно, что вообще не сгнили при такой-то погодной аномалии. Потом они пили чай, а потом пришла долгожданная эсэмэска от Сережи: «Купил билет, прилечу утром».

Настя решительно начала собираться назад в Москву, помахала тетке Ире из окна машины и всю дорогу подпевала включенному радио.

Тетю застрелили на следующий день поздним вечером на веранде их нового большого дома. Была гроза, и выстрела никто не слышал.

9 июля, воскресенье

Ее тянуло на дачу, как будто присутствие там могло что-то изменить. Деревянный пол был уже отмыт от Ириной крови, и ничто не напоминало о том ужасном, что случилось здесь совсем недавно.

Настя ходила по участку, садилась в кресло-качалку, так и стоявшее до сих пор на веранде, смотрела на кухонную стену, на которую Ира хотела повесить парочку картин, да так руки и не дошли.

— Собирайся! — велел Сережа. — Поедем.

Он торопил ее не зря. Вечером тысячи дачников ринутся в город, и возвращение домой превратится в тяжелое испытание.

— Я останусь здесь, — в который раз сказала Настя. — Сережа, не спорь! Поезжай.

— Нет! — в который раз отрезал муж.

Настя знала, он ее жалеет и беспокоится о ней, и была благодарна за жалость и заботу, но сейчас ей хотелось остаться одной.

Ей было необходимо остаться одной и подумать.

— Настя! — Сережа присел на пол у ее ног и потряс за колени. — Так нельзя. Оттого, что ты будешь ходить как сомнамбула, ничего не изменится. Собирайся!

— Я останусь, Сереженька, — Настя притянула его голову, поцеловала.

— Нет! Я тебя одну здесь не оставлю! — Он выпрямился и устало попросил: — Ну кончай, Насть. Понимаешь же, что я не могу без тебя уехать.

Конечно, она могла настоять на своем. Она может остаться здесь, и Сережа тоже останется, потому что один он не уедет. Ему придется встать в четыре утра, в крайнем случае в пять, чтобы вовремя добраться до работы.

Настя тяжело поднялась, сменила дачные шорты на джинсы, а дачную футболку на любимую голубую блузку. Блузка была из жатой ткани и совершенно не мялась. Очень удобно.

— Я готова! — крикнула Настя мужу.

Обходить дом, проверяя, заперты ли окна, не стала. Окно они открыли только в их комнате на втором этаже, и Настя отлично помнила, что закрыла его пару часов назад, когда пошел дождь.

На гвоздике около двери висела только одна связка ключей, ее собственная. Обычно здесь висела еще и Ирина. Настя заперла дверь и до машины бежала, потому что снова начался дождь.

— Убийцу найдут, — заговорил Сережа, выезжая из поселка. — Наберись терпения.

Настя промолчала. Сережа о ней беспокоился, и она это ценила.

— Начни работать, Настюх, — посоветовал муж. — Сама же говорила, что надо закончить осеннюю коллекцию.

Это он тоже говорил правильно, работа отвлекает. У Насти с подругой Катей была своя фирма. Настя создавала модели одежды, а Катя делала все остальное. То есть Настя делала то, что очень любила делать, а Катя самое неприятное — организацию

производства. Если, конечно, производством можно назвать результат работы пятнадцати человек.

Несмотря на кризис, который никак не желал закончиться, продукция раскупалась неплохо. У них было свое ателье, они отдавали костюмчики и платья оптовикам, а недавно открыли еще и интернет-магазин. И даже постоянных покупателей приобрели.

Дождь уже не барабанил по крыше машины, а лил непрерывным потоком. Настя поежилась, от кондиционера в машине становилось холодно.

— Замерзла?

— Немного.

Сережа поменял режим кондиционера, холодный воздух перестал щекотать плечи.

— Она мало была счастливой, — неожиданно сказала Настя.

Сережа пожал плечами — не согласился.

— Она другая была при Иване Николаевиче, — Настю непрерывно тянуло говорить об Ире. — Веселая такая. С Иваном ругалась все время.

— Разве ругаться — это весело? — улыбнулся муж.

— Ира его пилила постоянно, — Настя тоже улыбнулась. — Но так, знаешь... беззлобно. Все время говорила, что работать он должен в Москве, а не в захолустной больнице.

— Так он же вроде бы и работал в Москве, — удивился Сережа.

Он с Иваном Николаевичем знаком не был, но рассказы о муже тети Иры слышал, конечно.

— В Москве он подрабатывал, — объяснила Настя. — В какой-то частной клинике. Он старался

Иру обеспечить. А постоянно жил здесь. Ира злилась, но поделаться ничего не могла.

Как все странно в жизни, подумала Настя. При жизни мужа тетя мучилась, что ей приходится без конца мотаться за город. Постоянно на это сетовала. А после смерти Ивана Николаевича почти не бывала в Москве. Ездила только по необходимости.

Дождь перестал, когда подъехали к МКАД. Настя наспех приготовила ужин и потом долго лежала без сна, стараясь не разбудить уставшего Сережу.

Илюша капризничал, рвался в мокрую траву, Алина совершенно с ним замучилась. Славик предлагал нанять няню, пока она живет с ребенком на даче, но Алина отказалась. Теперь об этом жалела.

Впрочем, вопрос с няней она могла решить в один момент. До замужества жила в соседнем городишке, всех здесь знала, и найти кого-то, кто помог бы ей с ребенком, проблемой не было. Официально городишко числился поселком городского типа, но и местные, и дачники упорно называли его городом.

Проблема была в другом, после убийства соседки Слава под разными предложениями старался на даче не появляться. А когда приезжал, тут же находил повод уехать. Ему не нравилось, когда участковый лез с вопросами. Не нравилось, что соседи не переставали ахать и охать по поводу убийства. Мрачные стороны жизни Славу не то чтобы пугали, просто он всегда старался от них дистанцироваться. Он от них прятался. Характер такой.

Алину характер мужа устраивал. В их семье сильной приходилось быть ей, и она с этим успешно справлялась.

Дождь лил и лил. Алина читала сыну сказку, постепенно перейдя на шепот, и поглядывала в окно. Ребенок заснул. Она осторожно поднялась со стула, на цыпочках прошла к двери детской, тихо закрыла за собой дверь.

Постояла на крыльце, достала сигарету, закурила. При Славе старалась не курить, муж сразу начинал возмущенно объяснять, как она губит свой организм и организмы окружающих. Муж был ярым приверженцем здорового образа жизни.

Алина, глядя, как он с завидным аппетитом уминает ее стряпню, могла бы напомнить, что и лишний вес в тридцать с небольшим набирать не стоит, но никогда этого не делала. Она делала все, чтобы Славе было с ней легко и комфортно. Даже отлично готовить научилась. Поесть муж любил.

С соседнего участка на дорогу выехала машина. Сосед Сережа закрыл ворота, машина медленно уехала по мокрой дороге.

С соседкой Ириной Леонидовной Алина не то чтобы дружила, но общалась больше, чем со всеми остальными. Во-первых, Ирина жила на даче постоянно и к тому же прямо напротив Алины. Во-вторых, соседка заметно привязалась к Илюше и с удовольствием с ним играла.

Ну а в-третьих, свекор Виктор Федорович за Ириной Леонидовной откровенно ухаживал.

В эти выходные не приехал не только Слава, но и свекор.

«Подожду неделю, — решила Алина, бросая догоревшую сигарету в пепельницу. — Не приедет Слава в следующие выходные, переберемся в Москву».

Она дождалась, когда Илюша проснется, поспешила на звонкий детский голосок.

Дождь на какое-то время перестал. Алина посадила сына в коляску, повезла к расположенному прямо в поселке магазину.

Когда-то она в этом магазине работала. Ей приходилось много работать, она сделала себя сама. Сама отлично, безо всяких репетиторов, окончила школу, сама поступила в институт на бюджетное отделение. Сама окончила его с красным дипломом.

Потом, правда, ничего заметного не достигла. Посидела в полугосударственной конторе с девяти до шести, добираясь до работы в переполненных электричках, и поняла, что без нужных знакомств карьеру сделать невозможно.

Но тут ей повезло. Она вышла замуж.

В магазине никого не было. Алина купила молоко, хлеб, поболтала с продавщицей Машей. Маша была своя, из Алининого городка. После школы окончила какой-то колледж, но работы по душе и по желаемым деньгам не нашла, вот и подрабатывала летом, продавая дачникам продукты первой необходимости.

— Пойду, — решила Алина, посмотрев в окно. — А то опять дождь польет.

Тут в магазин зашла Елена Анатольевна, еще одна соседка по дачному поселку, Алина поздоровалась, тревожно взгляделась в лицо женщины.

— Елена Анатольевна, вам нехорошо?

— Давление скачет, — пожаловалась соседка и заулыбалась тянувшему к ней руки Илюше.

— Так зачем же ходите? — возмутилась Алина. — Сказали бы, я бы вам все купила!

— Спасибо, Алиночка. — Елена Анатольевна попросила у Маши сыр, хлеб, упаковку мороженых обедов. — Начну лежать как колода, еще хуже будет.

— Нет, — не согласилась Алина. — Нужно себя беречь.

Соседка мягко улыбнулась, убрала покупки в сумку, придержала дверь, пока Алина вывозила коляску.

— Ты не боишься одна?.. — это соседка спросила, уже подходя к дому.

— Не боюсь, — ответила Алина.

Чего бояться-то? Поселок охраняется, ночью сторожа обходят его с собаками.

Правда, это не помогло Ирине Леонидовне.

С неба опять закапало. Алина быстро протерлась с соседкой и побежала к дому.

Она почувствовала, что подступили слезы, только вечером, когда Илюша заснул.

10 июля, понедельник

Виктор Федорович никогда не думал, что без Ирины ему станет пусто. Конечно, он специально не рисовал себе картины жизни без дачной соседки, просто не догадывался, что Ирина занимала в его жизни такое важное место. И сейчас его мучило, что он не успел сказать ей об этом.

Обычно он приезжал в выходные на дачу или, если Ирина была в Москве, встречался с ней где-нибудь в ресторане. Или совсем не встречался, если он или она были заняты.

Никакой пустоты он при этом не испытывал, он читал, или смотрел любимые старые фильмы, или про-